

Екатерина Коробова

МОМЕНТЫ ИЗ ЖИЗНИ

Екатерина Коробова

Моменты из жизни...

«Автор»

2024

Коробова Е. И.

Моменты из жизни... / Е. И. Коробова — «Автор», 2024

В этой книге автор делится своим видением мира и рассказывает о том, как важно научиться ценить и любить то, что у нас уже есть. Она призывает нас обратить внимание на простые радости жизни, такие как наш дом, наша земля и наше окружение. Рассказы, собранные в этой книге, являются лишь малой частью творчества этого талантливого журналиста. После прочтения этих историй вы поймете, насколько прекрасна жизнь и что для того, чтобы ее полюбить, нужно начинать с любви к своему родному краю.

© Коробова Е. И., 2024

© Автор, 2024

Содержание

ДЕРЕВЕНЬКА МОЯ	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Екатерина Коробова

Моменты из жизни...

ДЕРЕВЕНЬКА МОЯ

Семен Иванович проснулся, как всегда рано. Он прислушался к ровному дыханию жены, осторожно встал и вышел на крылечко. Присел на ступеньку и задумался: вот уже год, как горькая обида, тоска сжимала его старое, расстроенное жизнью и временем сердце. И сейчас снова проклятая тоска сжала его в свои тиски.

Семен Иванович торопливо закурил, встал, побродил по двору и вышел за ворота.

Прямо за его двором стоял веселый смешанный лес. Осень уже нарядила деревья в праздничный наряд. Старик, молча смотрел на них и курил. Глаза его остановились на отдельно стоявшей, будто выбежавшей из леса березке. И засветились ей навстречу выцветшие голубые глаза Семена Ивановича.

Он пошел к ней. Легкий ветерок чуть трогал крону дерева, и листья как будто шептались о чем-то над головой старика. Он ласково положил свою ладонь на белый ствол березки. И лежала она там, на белоснежном теле дерева, коричневой заплатой.

Он стоял и смотрел на лес. В глазах грусть. И ничего неслышно было вокруг. Только тихий шепот березки. А он все стоял, не трогаясь с места, будто боялся чего-то. Потом, заставив себя, оторвал руку от ствола дерева, резко повернулся. Тишина угнетала, давила на него, и он пошел в ней, один на один, как с огромным грузом, но слабых уже плечах.

Из-за леска встало солнышко, кинуло лучи на землю, они высветили два окна дома Семена Ивановича. Он, не глядя, прошел мимо.

Остановился, прислушиваясь. Прислушиваться было не к чему. Вокруг по-прежнему стояла мертвая тишина. Она не могла быть другой в мертвой деревне.

Умерла деревня в прошлом году, когда последний шесть семей, бросив свои дома, переехали в большое шумное село, на центральную усадьбу совхоза.

А умирать начала еще раньше. Семен Иванович остановился у большого бугра, который ревниво закрывали от улицы кусты сирени. Дома давно не было, а сирень, когда-то заботливо посаженная руками хозяев этого бывшего дома, продолжала жить.

Здесь когда-то жила большая, шумная, работающая семья. Ребят было много, все крепкие, веселые.

Семен Иванович смотрел на бугор сквозь кусты сирени и постепенно перед ним вставал большой приземистый дом, с голубыми наличниками окон. У него женой был всего один сын, и он завидовал семье с восемью ребятами. Завидовал грустно и по-хорошему.

Снялась семья неожиданно для всей деревни. Осенью старший сын Шатровых должен был пойти в пятый класс, пятого класса здесь не было. Надо было везти сына в интернат.

Скандал в мирной семье разгорелся внезапно, прямо во дворе. Семен Иванович шел мимо и стал невольным его свидетелем.

– Не дам Серёжку в интернат, – кричала на Шатрова жена, – все при мне, при мне, а тут отдавай куда-то мальчонку! Ну хоть бы постарше был!

Она громко заплакала. Из дома выскочила ребятня и в удивлении уставилась на родителей. Впереди стоял виновник ссоры, Сережка за ним Настя, Саша, Алеша Володя. Погодки они и один за другим должны были покинуть родной дом, чтобы продолжить учение. А там и других младших Шатровых ждала та же судьба.

Шатровы уехали. Картошку копать уже приезжали как гости. Семен Иванович подошел тогда спросить, как устроились. Жена Шатрова довольно улыбнулась. Сам Шатров только махнул рукой.

Дом они продать не смогли: на слом он не шел, не из дерева был сложен. С трудом продали рамы, двери, и дом долго стоял, зияя страшными пустыми глазницами окон, пугая тишиной, облезая и старясь. Потом рухнул и постепенно превратился вот в этот бугор.

Шатровы стали первыми. Когда от их дома ничего не осталось, на улице уже зияли пустыми окнами еще восемь домов.

Шли годы. На глазах хирела деревня. Семен Иванович подошел к дому неподалеку от места Шатровых. Покосившееся крылечко, заросший двор, пустые окна. Он оглянулся, напротив, стоял еще один такой же, дальше то же самое.

Старик закрыл глаза, внезапно зашумело в голове, схватило поясницу, он сел прямо на траву, дрожащими руками достал сигареты. Затянулся рывком, глубоко до кашля. И снова глаза побежали по улице. По бывшей улице. А память услужливо подсовывала имена, как только глаза останавливались на чем-то бугорке от дома или на доме с провалившейся крышей. Аристарховы, Николаевы, Гончаровы, Игнатовы...

Он был стар и помнил многое. Помнил, чуть ли не всю историю своей родной деревни. Вот он шестилетний «неугомонный паренек» (так звал его отец) стоит во дворе ранним утром и смотрит, как мать доит корову. Она доярка, поэтому торопится справиться с домашними делами побыстрее. Тугие струйки сначала звонко бьют о дно ведра, потом глуше и глуше, и вот уже короткие струйки едва пробивают белую шапку молочной пены. Мальчик переводит глаза вовнутрь двора. Важный белый петух топчется на месте, сердито зовет кур, что-то поднимая в клюве и снова бросая на землю. А они уже бегут к нему с разных сторон. Первой подбегает пеструшка и хватает угощение. Другие, опоздавшие, недоуменно останавливаются, разочарованно переговариваются на птичьем своем языке. Мальчик смеется, поворачивается к матери. Она уже унесла ведро с молоком в дом, отвязывает корову и гонит ее к воротам.

—Я сам, —кидается к ней Сеня.

Мать ласково проводит теплой пахнущей парным молоком рукой по голове сына: иди уж, и впрямь неугомонный, спал бы да спал ещё.

Сеня, довольный, выпускает корову, идет за ней вдоль улицы, с любопытством оглядывая проснувшуюся деревню. В ней всего-то одна, но очень длинная улица и Сене кажется эта улица бесконечной, а деревня большой.

Домов через десять набирается небольшое стадо, появляется пастух с традиционным длинным кнутом. Сене можно возвращаться домой, но он все идет и идет за стадом, зачарованно следя за его ростом...

Семен Иванович тряхнул головой, поднялся и снова пошел вдоль улицы. Пошел, медленно переставляя, враз уставшие ноги, останавливаясь и осматривая дома, вновь и вновь утопая в воспоминаниях.

Снова мелькают фамилии бывших односельчан, он будто слышит голоса, их смех. Он будто снова среди них и деревне жива, и впереди у всех дел неувпоровот, как всегда в любой деревне.

А с каким нетерпением ждут сельчане весну. Зима, длинная сибирская зима, надоела уже всем, хочется тепла, зелени. А зима сдает позиции медленно, злясь и сясь из последних сил сковать землю, укрыть снегом. Но природа берет свое, и поля медленно обнажаются, дразня людей черными полянами, освободившимися от снега.

Семен Иванович молодой и сильный, и по прежнему неугомонный, не изменивший своей детской еще привычке вставать рано, первым делом бежит за околицу, осмотреть поля.

На конюшне уже давно подготовлены и кони, и сбруя. Хоть колхоз и пользуется услугами МТС, а свои кони тоже участники посевной. И Семен Иванович тоже ее участник.

На покос выходили все. Веселое было время. Там, на покосе, и zalюбовался он ловкими руками Наташи. Да так zalюбовался, что и про косу забыл. Застыл столбом, следя за ней глазами. Очнулся от смеха мужиков, которые дошли до края покоса и подправляли косы. Пришлось ему, краснея и злясь на себя, докашивать одному.

А осенью сыграли свадьбу. Тогда им построили домик, в нем жили долго, а потом рядом, сами уже поставили дом, попросторней и выше, в котором и живут по сей день.

«На совесть сделан, крепкий, сколько простоит еще» – подумал Семен Иванович и вздрогнул: сегодня приедет сын и начнутся уговоры. Снова будет плакать Наталья, и сердиться сын.

– Ну что ты отец как ребенок. Зима надвигается, как вы тут одни? Прожили и так целый год, как с ума не сошли. Пожалей хоть мать-то, – будто услышал голос сына и ускорил, на сколько мог шаги.

Теперь воспоминания его остановились на суровых сороковых годах. Только-только встал на ноги их колхоз, как в деревню пришла страшная весть – война!

Они с Натальей уже 5 лет прожили. Сын Алешка рос. Навзрыд плакала Наталья, повиснув на нем. Алешка, ничего не понимая, обнимал за шею, трогал брови, целовал в щеки, тыкался куленком и скулил: – «Куда ты папаня, вон мамка плачет».

Не выдержав, Семен Иванович оторвал от себя жену, осторожно поставил на ноги сынишку и побежал, не оглядываясь к подводе.

Потом долго перед глазами солдата стояло то прощание. И стрелял по врагу, бежал в атаку в передних рядах, бежал, чтобы победить, и чтобы не повторилась больше то страшное прощание.

Вернулся в разгар сенокоса. Дома никого. бросил, вещевой мешок на крыльцо и кинулся на луга. Бежал, так как давно не бегал. Подбегая, увидел косивших людей, мужиков почти не было. Косили бабы, подростки, старики. Пошел к ним молча.

Наталью будто кто толкнул. Остановилась, оглянулась и замерла: прямо на нее шел её Семён.

И снова висела она на муже. Только на руках не сидел уже сынишка. Он стоял рядом и смотрел на полузабытого, полунезнакомого отца. Прижал его к себе Семен Иванович не сдерживая слез. То были слезы радости.

А вокруг стояли все кто косил. Стояли молча. И тяжелое то было молчание. Слишком много в деревне стало вдов. Половина села.

И снова жизнь, снова работа. До изнеможения, до полной изнуренности. Стосковался по ней, устали руки от винтовки, голова от дум, сердце от тоски по семье, по улице своей, по полям да перелескам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.